

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Дефиниции культуры

Выпуск IX

Издательство Томского университета
2011

В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ СОВЕСТЬ СВОБОДНЕЕ?

И.Е. Максимова

Лучше любых аргументов и доводов
мировоззрение защищает полиция.
С. Лем

«Святость, чистота и милосердие
не являются исключительной монополией какой-либо из церквей мира,
каждая система дала мужчин и женщин самого возвышенного характера.
Перед такими свидетельствами, если кто-либо жаждет
сохранения собственной религии и уничтожения всех остальных,
мне жаль его от всей души».
Свами Вивеканда

«От «заклятия именем» у дикарей вплоть до науки наших дней, которая подчиняет себе предметы, изобретая для них названия, понятия и определения, ничего не изменилось со стороны формы» [9. С. 130] – эта цитата невольно приходит на ум при даже самом поверхностном столкновении с отечественной публицистикой. «Свобода совести», «толерантность», «рыночная экономика», «демократия» – эти слова все больше приобретают черты мантр, утрачивая внутренний смысл и превращаясь в завораживающие магические звуки, без которых просто невозможно совершить волшебство привлечения внимания «широкой общественности». Справедливости ради надо сказать, что любое общество в любую эпоху испытывает особое пристрастие именно к тем лозунгам и цитатам, которые, с одной стороны, декларируют его пристрастия, а с другой – позволяют выдавать желаемое за действительное.

Однако, как говорит теперь уже восточная мудрость, «сколько ни говори халва, во рту сладше не станет», поэтому прежде чем переходить к действиям по борьбе за искомую «свободу совести», необходимо как минимум четко представлять себе, какого результата предполагается достичь.

Свобода – сложнейшее философское понятие, однако все, рассуждавшие на данную тему, солидарны в одном: она не может быть беспредельной. Разве даже самое свободное с точки зрения современных критериев государство может узаконить человеческие жертвоприношения или ритуальный каннибализм? Очевидно, что если бы появились общества, практикующие подобные формы религии, они были бы признаны бесправными и несвободными, так как в них возможно посягательство на жизнь человека. Значит, свобода все же ограничена некими «общечеловеческими ценностями», выделить которые не так уж и сложно, но (и это чрезвычайно существенное **но!**) форма их выражения будет настолько сильно окрашена культурной спецификой, что при столкновении различных этносов возможны практически непреодолимые противоречия. Например, «уважение к старшим» на Западе реализуется в достойной пенсии; на Востоке – в почитании родителей детьми; в России с внедрением «западных ценностей» старшее поколение оказывается «между двух огней»: подростки усваивают «европейский» вариант, а государство не спешит его реализовывать. А вот на Новой Гвинее сын постарается сделать все, чтобы его отец погиб насильственной смертью (так обеспечивается нужное перевоплощение души); при этом желательно еще и съесть мозг родителя, так как таким образом передаются мудрость и жизненный опыт. Какая (и почему?) из этих форм будет единственно верной?

Абсолютной свободы не может быть и внутри отдельной личности. Совесть – внутренний судья; но он обязан избрать «свод законов», которым будет руководствоваться, вынося приговор. Отсюда «свобода совести» – это «свобода выбора нравственных идеалов», по многим причинам прежде всего ассоциирующихся с ощущением внутренней связи с какой-либо религиозной конфессией. Декларация непредвзятости как отдельной личности, так и общества в целом в этих вопросах всегда будет оставаться лишь иллюзией: и государство, и личность, и философская теория – порождения своего века. Называя вещи своими именами, то, что понимается в современном европейском обществе под «свободой совести», – это возможность самостоятельного выбора моральных нормативов в рамках исключительно иудео-христианской традиции. Любые другие системы (марксизм, ислам, конфуцианство/маоизм и т.п.) с этой точки зрения балансируют на грани «тоталитарных обществ». Понятия «религия» и «идеология» в этом контексте часто совпадают: хотя они и не являются синонимами, поле их влияния в значительной степени идентично. Однако отношение к проблемам жизни, смерти и посмертного бытия, а также бытовые социальные нормы и

обрядовая сторона жизни определяются не только конфессиональными, но и культурологическими нормами каждого конкретного общества. Более того, идеология достаточно часто подменяет собой религию: на месте Демиурга может оказаться образ Вождя (Гитлера, Сталина, Ким Ир Сена, Мао Цзэдуна), Великой Страны (Германии, Америки, Кореи), Светлой Идеи (коммунизма, всеобщей демократии, «царства избранных»). Как реакция на это явление «свобода совести» начинает пониматься прежде всего рядом политиков как свобода от всякой государственной идеологии/религии.

Чрезвычайно просто и для многих весьма соблазнительно объявить религию «пройденным этапом»¹, однако никуда не уйти от факта, что это не столько «ложное объяснение» наблюдаемых природных явлений, и даже не общественный институт, сколько апеллирующий не к логике, а к чувствам механизм, регулирующий взаимодействие человека и общества и человека и природы, основанный на вере в объективное существование нравственных законов, за нарушение которых следует неотвратимое возмездие; судья-совесть не признает «смягчающих обстоятельств» и логических расчетов². Кто устанавливает эти законы, когда и как осуществляет возмездие, через какие ритуалы и кем осуществляется контакт с Творцом, создавшим их, – зависит от формы религии, которая, как явление, ценна хотя бы уже тем, что дает людям нормы морали³. Понятно, что наука не терпит сослагательного наклонения (хотя

---

¹ «Нет ничего проще, чем назвать вымершие формы организмов примитивными, а создателей ошибочных теорий – глупцами. ...для науки нет нерушимых истин или авторитетов. Все заблуждения и ошибки не смешны, потому что они возникают в результате осознанного риска. Сознание этого дает право высказывать гипотезы, так как даже если они вскоре рухнут, это будет поражением на правильном пути. Ибо человек еще на заре своих дней всегда выбирал правильный путь, даже когда он этого не осознавал» [5. С. 367].

² «При сопоставлении религиозного и научно-рационалистического типов сознания уже на самом поверхностном уровне обнаруживается их противоположность. Наука служит целям ориентации человека в мире, ее усилия направлены на построение адекватной картины мироздания и на использование природных сил для нужд людей. Религия видит свою задачу в том, чтобы указать человеку «путь жизни», сформировать его жизненные установки и способ поведения. Для этого она предлагает человеку обратиться внутрь себя, утверждая, что именно здесь, в глубине души, может быть найден непосредственный контакт с первоосновой бытия, с главным принципом жизнеустройства. Установив этот контакт, человек получает точку опоры, необходимую, чтобы выстоять и не растерять свою душу в круговороте житейских обстоятельств» [1].

³ Ср.: «Над чем бы ученые не работали, у них все равно получается оружие» (К. Воннегут) ↔ «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф., 16:26); «Гораздо важнее для людей возделывать логос души прежде логоса тела» (Демокрит, В 187); «В науке мне не хватает смысла, а в религии – фактов» (К. Юнг).

почему бы и нет), но ведь она обязана рассматривать гипотезы. А если окажется, что законы возмездия за причиняемое зло действуют, и после смерти то, что составляет наш интеллектуальное и духовное «Я», все же сохраняется и «получает по заслугам» пусть не в форме многократно описанного рая и ада, а в виде моральных мук, то чем это отличается от любой религиозной идеи? Страшный суд – это, по сути, осознание разницы между тем, чем ты казался себе, и тем, что ты есть на самом деле. Отдельно взятый человек может быть атеистом и порядочным человеком, если он при этом будет верить (!) в те самые «общечеловеческие ценности», так же как и верующий человек может стать преступником, но общества без идеологической системы не бывает: «утрата идеи бессмертия – признак падения и смерти культуры» [2. С. 125].

При известных событиях 1917 г. смена идеологий произошла насильственным, но все же таким организованным путем; идеологический вакуум последних десяти лет заполняется стихийно. «Природа не терпит пустоты» – в образовавшуюся нишу хлынули мормоны, баптисты, адвентисты, кришнаиты (кстати, тоже западного толка, – сам по себе кришнаизм не миссионерская религия) и тому подобные религиозные течения, придав этой проблеме густой оттенок политики. В результате произошла полная потеря общегосударственных ориентиров в ключевых вопросах нравственности: это не только парадокс, но и общенациональная трагедия, однако в школьных программах есть стандарты, определяющие сумму полученных знаний по всем предметам; нет лишь требований к нравственным качествам ученика. Кого и за что следует любить, уважать, ценить, презирать и т.п. – решать предстоит самому. Трудно себе представить, например, дорожное движение, где каждый из его участников избирает себе правила сам; отчего же тогда в современной России возможно жить по индивидуально определенным ценностным нормативам? Создается ощущение, что в жизнь претворяется известный анекдот про Никиту Сергеевича, когда тот, познакомившись за границей с левосторонним движением, предложил в качестве эксперимента половину машин перевести на европейский вариант, а половине ездить по-прежнему. Или анархия и есть искомая «свобода совести»?

Марксизм-ленинизм представлял собой форму религии со всеми ее атрибутами – священными текстами, религиозной организацией, символикой, обрядовыми действиями, культами «святых» и т.д., что дает основание считать СССР государством теократического типа: председатель Президиума Верховного Совета был фигурой номинальной, реальная же власть (светская и религиозно-партийная) была сосредоточена в руках Генерального секретаря партии. Связь науки с религиозным (марксист-

ским) мировоззрением придавала морально-нравственную опору и «светлую цель» проводимым исследованиям («все во имя человека, все на благо человека»). Парадоксально, но возможно, что в этом проявилась признанная отличительная черта именно русской философии, которая всегда тяготела к неразрывной связи с религией и размышлениям над проблемами нравственности.

Вовлечение в науку большого количества людей, выполняющих в определенной степени стандартизованные задачи (что в принципе характерно для индустриально развитых стран), усугублялось полной уверенностью «кадров» в истинности своих убеждений¹, тем более, что достигнутые результаты во многих случаях на самом деле были на уровне мировых достижений. Современная российская наука – это декларируемая свобода интерпретации фактов от мировоззрения, но оно все равно существует как в рамках господствующей научной концепции, так и в силу личной (часто стихийной и непоследовательной) принадлежности ученого к какой-либо религиозной или философской конфессии². Еще несколько лет назад было естественным «исповедовать» более или менее подкорректированный марксизм; в условиях резко меняющегося мира большинство ученых просто не успело сформулировать своего отношения к научно-идеологической проблематике. Вроде

---

¹ «Между тем там, где наука основана на определенном смысле, развиваются основные идеи и отношение к жизни, которые овладевают этой бесконечностью. ...Однако средства к овладению каждый раз открывались как решающие шаги к пониманию. То, что есть наука, осуществлялось как целое в личности человека... Не имманентное развитие науки в достаточной мере объясняет кризис, а лишь человек, которого затрагивает научная ситуация. Не наука сама по себе, а он сам в ней находится в состоянии кризиса. Историко-социологическая причина этого кризиса заключена в массовом существовании. Факт превращения свободного исследования отдельных людей в научное предприятие привел к тому, что каждый считает себя способным в нем участвовать, если только он обладает рассудком и прилежанием. Возникает слой плебеев от науки; они создают в своих работах пустые аналогии, выдавая себя за исследователей, приводят любые установления, подсчеты, описания и объявляют их эмпирической наукой... Огромное количество печатной научной продукции становится, наконец, в ряде областей выставкой хаотического потока, по существу, непонятых уже *capita mortua* (мертвая голова) некогда живого мышления в головах людей массы» [10. С. 371]; «Вообще, массовое вовлечение неподготовленных людей в любую духовную практику (к которым по большому счету относится и наука) чревато утратой понимания ее исходного смысла... В «массовой» науке, где все поставлено на поток, постепенно теряются ее личностные основы» [Там же. С. 99, 102].

² «Все мы – философы. И даже те из нас, кто не сознает этого, имеют свои философские предпочтения. Большая часть этих предпосылок принимается безотчетно, они абсорбируются из культурного ареала или традиции. Даже будучи основой практического действия и жизни в целом, они принимаются и проповедаются без должной критической оценки» (цит. по [7. С.10]).

бы религия и научное исследование – это несовместимо... хотя в быту – это другое дело... А как же тогда с обязательным требованием выбора методологии исследования? «Раздвоенность» многих ученых, конфликт между личностными и «официальными» убеждениями – одна из сторон трагедии смены идеологических парадигм, усугубляющейся тем, что в основе своей именно марксистское мировоззрение и сейчас осталось господствующим в России в большинстве современных научных концепций, особенно в сфере гуманитарных наук.

Абсолютное большинство представителей интеллигенции будет решительно возмущено подобным предположением, однако откроем любой учебник по истории юриспруденции, фармакологии и т.п.: он начнется с рассуждений о смене матриархата патриархатом, роли страха перед природой в процессе возникновения религии и т.п., и т.д. Да, думающий человек пересматривает соотношение внедренной в него идеологии и профессионально достоверно известных ему фактов, но физически невозможно критически осмыслить все то, чему учили много лет назад. Страшнее всего, что сведения, усвоенные через сознательное усилие (теоремы, гипотезы и т.п.), не востребованные для повседневной деятельности, в конечном счете забываются, но воспринятая некогда стратегия отношения к инакомыслию остается на подсознательном уровне. В Соловецком меморандуме, который был подписан епископами православной церкви, отказавшимися в 30-е гг. подчиниться Советской власти, было сказано: «Церковь признает духовные принципы существования, коммунизм отвергает их... Такое глубокое противоречие в основах их мировоззрений делает невозможным сближение и примирение между церковью и государством...» [8. С. 238–239]. К сожалению, подчас создается ощущение, что в наши дни история повторяется, но с другим составом участников.

Все попытки построить «общество без религии» были либо литературной утопией, либо страшнейшим экспериментом, только подтверждающим, что альтернативы у человечества пока, по крайней мере, нет¹. Даже самое совершенное законодательство определяет лишь то,

---

¹ «Говорили: идите к нам, у нас полный реализм, живая жизнь; вместо ваших фантазий и мечтаний откроем живые глаза и будем телесно ощущать окружающее. И что же?.. Оказывается – полный обман и подлог. Оказывается: на горизонт не смотри, это наша фантазия; на небо не смотри – никакого неба нет... глазам не верь, ушам не верь... батюшки мои, да куда же мы попали? Какая нелегкая занесла нас в этот бедлам, где чудятся только одни пустые дыры и мертвые точки? Нет, дяденька, не обманешь. Ты, дяденька, хотел с меня шкуру спустить, а не реалистом меня сделать. Ты, дяденька, вор и разбойник» [6]; «... исходные интенции религиозного и научного сознания несовместимы: нельзя одновременно продвигаться и по пути разума, и по пути веры, поскольку каждый план

что запрещено; однако быть законопослушным гражданином и порядочным человеком – две большие разницы. Именно религия не только давала утешение в горе, но и учила любить, сострадать, ценить, причем при общности решаемых задач каждая из них делала это несколько по-своему. Очевидно, что декларация приоритета одной из конфессий в рамках отдельного государства никак не будет согласовываться с тезисом об искомой свободе совести; в то же время девиз «Россия – православная страна» у всех на слуху. Так какой же должна быть консолидирующая государственная идеология в условиях многоконфессионального общества?

Если бы какая-либо социологическая служба предложила населению выбрать из некоего перечня именно те нравственные нормы, которые представляются более близкими, то с большой долей уверенности

существования имеет свои собственные законы, а главное, предполагает функционирование двух взаимоисключающих экзистенциальных установок — творца и тварного существа. Поэтому возникает искушение, как это неоднократно случалось в истории, провозгласить одно из измерений человеческого существования, указанных здесь, «подлинным», «истинным», а другое истолковать как заблуждение, достойное сожаления отклонение от единственно правильного пути. Представляется, однако, что всякая попытка «искоренить» любое из этих измерений способна завести общество в тупик. Обе установки сознания необходимы для выживания человечества, обеспечивая соприкосновение с двумя существенными, но принципиально отличными друг от друга аспектами человеческого существования, участия в них обоих» [1].

«В наши дни ни один человек, начиная с детского сада, не воспринимает подобные притязания всерьез. Но это таит в себе и большую опасность... дословное понимание символических образов извечно было – и фактически остается – опорой самой цивилизации, нравственных ценностей, сплоченности общества, его жизнеспособности и созидательной силы. Утрата подобных корней сменяется неопределенностью, а она, в свою очередь, влечет нарушение равновесия, поскольку человеческое существование, как хорошо понимали Ибсен и Ницше, настоятельно требует жизнеутверждающих иллюзий, иначе у людей не остается ничего верного и надежного, никаких моральных устоев. Нам уже известно, что происходит, например, с отсталыми народами после вторжения цивилизованного белого человека: как только гибнут давние табу, первобытные общества тут же разваливаются, заражаются пороками и вымирают. Но сегодня это происходит и с нами. Современная наука поколебала древние запреты, берущие начало в мифологии, – и теперь по всему цивилизованному миру стремительно катится лавина безнравственности и преступности, душевных болезней, самоубийств и наркомании; обычными стали разрушенные семьи, распущенные дети, жестокость, насилие и отчаяние... Действительно, чему должен прежде всего хранить верность добросовестный учитель, озабоченный нравственностью своих учеников не меньше, чем глубиной их книжных познаний, – основополагающим мифам нашей цивилизации или «подкрепленным фактами» научным истинам? Действительно ли одно непримиримо с другим? Неужели не существует позиции – вне поля боя истины и заблуждений, – с которой можно вернуться к единству человеческие жизни?» [4. С. 13–14].

можно утверждать, что в целом обнаружилась бы явная склонность российского общества именно к православным ценностям, что, в общем-то, вполне естественно. Однако вряд ли бы все те же люди отнесли себя к православию как к конфессии. Отсюда представляется, что в обсуждении роли данной религии в российской истории смешивают несколько несовпадающих (хотя и пересекающихся) явлений.

Первое: бытовая культура не только России в целом, но и восточных славян в частности не монолитна: в нее внесли серьезный вклад не только собственно индоевропейцы/праславяне, но финно-угры, тюрки, а что касается Сибири – еще очень многие другие народы. Отсюда берет свое начало не только общепризнанная терпимость к самым разным культурным особенностям соседей, но и присущая коренным россиянам привычка самим учитывать их критерии: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Идея Отчизны объединяла больше, чем разъединяли конфессиональные различия.

Второе: с петровских времен для России характерно резкое размежевание сторонников западной и «исконно русской» культур. Однако даже беглый анализ показывает, что немалая часть того, что воспринимается как **европейская** составляющая, на самом деле является синтезом достижений самых отдаленных цивилизаций. В качестве «соавторов» можно было бы назвать Египет (теорема Пифагора, папирус, написание буквы **щ**, имя Сидор-Исидора, идея Логоса, **монотеизм**, **Пасха** и т.д.); Иудею (перечень был бы чересчур обширным, одного **Ветхого Завета** уже более чем достаточно); Индию (рис, хлопок, некоторые специи, домашняя птица, шахматы, десятиричная система счисления; возможно, эссеи находились под влиянием буддийского монашества, **есть параллели между текстами нового завета и палийским каноном**, неоднократно отмечалось сходство между учениями западных философов и учениями упанишад; нельзя отрицать возможность **влияния на неоплатонизм и раннее христианство**); Вавилон (астрономия, деление круга на 360 градусов, часа на 60 минут и т.д.); Китай (чай, шелк, порох, бумага, тушь, компас, сейсмограф, рефлексотерапия и многое другое); коренные народы Америки (хлопок, табак, подсолнух, и пр.); арабский Восток (кофе, цифры); Финикию (алфавит, пурпур) и т.д. и т.п., не говоря уже о восточно-византийских корнях самого православия. А как насчет родословной «русских» императоров или архитектурного облика Петербурга? Россия стала воистину великой державой именно в послепетровские времена, которые характеризовались резким отходом от «исконной веры», – наилучшие результаты всегда приносил именно

органический синтез лучших культурных достижений. Или нужно возвращаться к старообрядчеству?

Третье: безусловно, православие сыграло ключевую роль в формировании культурно-исторического наследия России, и с этой точки зрения изучение в школе семантики храма и сюжетов икон отнюдь не менее необходимое, чем обязательное ныне для многих гимназий и гуманитарных факультетов подробное знакомство с греческой мифологией: без их знания огромнейшая часть как российского, так и общемирового наследия останется непонятой. Другое дело, что по крайней мере для части регионов не меньшее значение будут иметь ислам или буддизм. И это действительно очень важный момент, ибо сколько можно строить культурную политику государства на утверждении, что «Россия отстала от Запада», «необходимо стремиться к построению цивилизованного общества» и т.п. Патриотизм, гордость за свою страну начинаются в том числе и с восхищения созданными предками культурными ценностями, которые, именно потому, что религия обращена не к материальному, а к духовному началу, прежде всего воплощаются в культовых объектах. Однако если человек, гордящийся своими предками, вызывает уважение, то кичащийся ими же – отторжение.

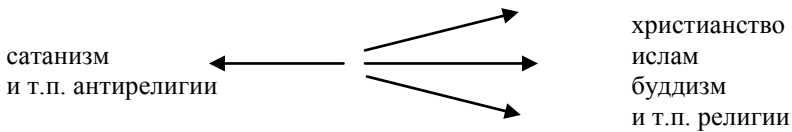
Четвертое: нельзя путать православие как систему нравственных ценностей и церковь как общественно-политический институт. Деяния святых, их размышления о бытии представляют собой высочайшие образцы человеческой мысли, окрашенные глубокой нравственностью, что и составляет отличительную черту именно православия. Церковь же, будучи частью политической системы, в различные эпохи играла весьма неоднозначную, хотя и всегда значительную роль в государстве, особенно если иметь в виду, что партийные организации в СССР являлись аналогом религиозных ячеек. На рубеже XIX–XX вв. позиции православия были настолько прочны, что оно предоставляло возможность другим конфессиям для полноценного существования: не исключено, что если бы не события 1917 г., то сохранилась бы тенденция «мягкого слияния» религий. Кроме того, народы, живущие в сходных условиях и объединенные сходным типом занятий, вырабатывают и сходные идеалы: поощрение трудолюбия, уважение к старшим, одинаковые критерии честности и порядочности.

Нельзя забывать и о том, что Россия в вопросах религиозного и этнического сосуществования очень неоднородна: Сибирь, в частности, изначально представляла собой территорию мирного сосуществования самых различных народов, что роднит ее в этом плане с Америкой, однако в отличие от США здесь не было систематических военных столк-

новений с коренным населением. Государственное православие существовало как бы само по себе; для бытовой культуры сибиряков было категорически не характерно деление по конфессиям и этносам. Однако вместо того, чтобы подчеркивать и культивировать именно эту региональную особенность, благодаря вниманию средств массовой информации к событиям в центральных регионах происходит акцентирование этнических и религиозных конфликтов, которые для большей части Сибири не типичны.

Диана Эк, профессор сравнительной религии и индейских исследований в Гарвардском богословском колледже выделила три вида реакции на контакт между конфессиями: первый – исключительность («наш путь единственно верный»); второй – включенность (попытка создать обобщающую религию); третий – плюрализм: «Согласие в конечном счете означает: идти в одном и том же направлении, а не иметь одни и те же взгляды» [8. С. 328–329]. Очевидно, что максимальная «свобода совести» возможна лишь при реализации третьего варианта.

Применительно к современной ситуации стоит напомнить, что иудаизм, ислам, христианство относятся к авраамическим религиям, сформированным на основе одних и тех же ценностей; главным принципом буддизма также является любовь к любым земным существам. Да и вообще-то не так просто найти значительную конфессию, которая не говорила бы о необходимости жить в мире и согласии. Таким образом, можно говорить о том, что большая часть религий стремится к продвижению к одной и той же цели, и, по-видимому, именно этот вектор и должен определять те «общечеловеческие ценности», в рамках которых допустима «свобода совести». Обратный вектор формируют антирелигии, которые по сути своей являются деструктивными и не должны существовать в рамках современного общества:

Отсюда первый путь выхода из создавшегося противоречия между необходимостью формировать государственную идеологию и невозможностью предпочтения одной из существующих конфессий заключается в том, чтобы выделить именно консолидирующее эти религии начало.

Другой вариант – объединение всех конфессий в рамках идеи, к примеру, «процветания родного государства». В конце концов, понятия «отчизна», «родина» действительно прекрасны (хотя и подзабыты!), и они вполне достойны того, чтобы стать основой государственной идеологии, опирающейся, в том числе, и на исторически сложившиеся в стране морально-нравственные ценности. По-видимому, это путь многих экономически развитых многоконфессиональных государств. Однако пример США в этом плане весьма настораживает: реальной религиозно-идеологической нормой там является вера в Великую Америку с ее «общечеловеческими ценностями» и «демократическими нормами»; но когда «президент, готовясь к войне с Ираком, читает Библию» и, естественно, находит там оправдания своих действий, это говорит о явных агрессивно-миссионерских тенденциях, которые никак не согласуются с правом других стран на выбор собственной системы ценностей. Слишком уж напоминает эта ситуация бодрое утверждение одного из персонажей пьес Е. Шварца: «Я всех заставлю быть счастливыми!»

Отсюда и ответ на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, будет совсем не оптимистичным для современных индустриальных держав. Возможно, это покажется парадоксальным, но именно самые ранние общества, не знакомые с идеей миссионерства, дают наиболее «чистые» примеры максимальной свободы совести. Бог эвенков или селькупов сотворил не «людей вообще», а лишь их народ; его законы обязательны лишь для его «детей» – соседи имеют полное право жить по своим законам. Ограничение было лишь одно – непосягаемость на жизнь друг друга; если же кого-либо не устраивают нормы данного общества, можно уйти в другое и попытаться стать там «своим» – достойная реализация принципа «общественного договора» Руссо! Объединяющим же началом был анимизм в самом широком понимании этого слова: не религии, а ощущения жизненной силы в любом природном и рукотворном объекте. Ноосферное мировоззрение, получившее такое развитие в России около ста лет назад (кстати, его идеолог – Пьер Тейяр де Шарден – был теологом!), – это лишь философски более серьезное обоснование той же идеи. Впрочем, художник, поэт, ребенок без всякой философии прекрасно «знают», что неживого нет, есть лишь различные формы жизни; хорошо известная аналогия между микрокосмом и макрокосмом означает прежде всего то, что боль, причиненная земле, отразится в тебе самом.

Конечно, в полной мере возврат к этим принципам невозможен, но все же все мы дети Ноя и в конечном счете у нас гораздо больше общего, чем различий: **«Если ты любишь Аллаха, то не можешь не лю-**

бить его творения» – «Как мать бросает все, чтобы спасти своего единственного сына, так буддист всегда должен выказывать безграничную любовь и сочувствие ко всем живым существам» – «Возлюби ближнего своего, как самого себя» – «Поступай с другими так, как ты бы хотел, чтобы поступали с тобой».

Литература

1. *Гайденок В.П.* Природа в религиозном мировосприятии //Вопросы философии. 1995. №3. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000096/>. Свободный доступ.
2. *Голосовкер Э.Я.* Логика мифа. М., 1987.
3. *Ирхин В.Ю., Кацнельсон М.И.* Уставы небес: 16 глав о науке и вере. Екатеринбург, 2000.
4. *Кэмпбелл Дж.* Мифы, в которых нам жить. Киев; Москва, 2002.
5. *Лем С.* Сумма технологий. Москва; Санкт-Петербург, 2002.
6. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
7. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. Античность. СПб., 1994.
8. *Фишер М.П.* Живые религии. М., 1997.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Минск; Москва, 2000.
10. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.